

Меметов И.А.

НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В ТУРЕЦКОМ И КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ И СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

Значительное количество слов, обозначающих части тела в турецком и крымскотатарском языках, по своей морфологической структуре являются односложными: тур. baş / крым. тат. баш “голова”, bel / бель “поясница”, el / эль “рука”, göz / козь “глаз, -а”, saç / сач “волосы”, diz / тиз “колени”, dil / тиль “язык”, diş / тиш “зуб” и др.

подавляющее же большинство слов, обозначающие части тела и некоторые анатомические названия являются двусложными и, в основном, оканчиваются на: 1) **-а)къ // -(е)к // -(ы)къ // -(и)к** и т. д.; 2) **-з** с узкими вариантами гласного **-(ы)з // -(и)з // -(у)з // -(ү)з**; и на 3) **-н** в основном с узкими вариантами гласного: **-(ы)н // -(и)н // -(у)н // -(ү)н**.

Присутствие перечисленных аффиксов в названиях частей тела в тюркологической литературе объясняется по-разному.

Одни тюркологи придерживаются мнения о том, что аффиксы **-(а)къ // -(е)к** и **-(ы)з // -(и)з** являются архаичными формами двойственного числа или аффиксами древнейшего множественного числа [1].

Действительно, на первый взгляд уже простое перечисление слов с указанными аффиксами, казалось бы, само по себе должно говорить а пользу такого предположения: тур. bilek / крым. тат. билек “запястье” (два запястья); тур. bүйек / крым. тат. бюйрек “почка” (две почки), тур. dudak / крым. тат. дудакъ “губа” (две губы), тур. uapak / крым. тат. янакъ “щека” (две щеки), тур. kulak / крым. тат. кюлакъ “ухо” (два уха), тур. tırnak / крым. тат. тырнакъ “ноготь” (ногти), тур. göz / крым. тат. козь “глаз” (глаза), тур. diz / крым. тат. тиз “колени” (два колена), тур. omuz / крым. тат. омуз “плечо” (два плеча) и т. д.

Однако, при более тщательном исследовании морфологической структуры данной тематической группы слов выявляется несколько иная картина.

Во-первых, если предположить, что указанные аффиксы действительно являются древними показателями множественности или двойственности, сохранившимися в большом количестве в названиях частей тела, то закономерно было бы ожидать наличия подобных остаточных явлений и в словах других тематических или лексико-семантических групп (пусть даже и не в таком количестве). Тем не менее, в исследованиях, специально посвященных категории числа в тюркских языках, ничего подобного на этот счет мы не находим [2].

Во-вторых, среди названий частей тела, оканчивающихся на **-(а)къ // -(е)к** и **-(ы)з // -(и)з**, можно выделить целый ряд таких, чья семантика вовсе не отражает множественности, например, тур. kuçuk / крым. тат. кюйрукъ “хвост”, тур. yürek / крым. тат. юрек “сердце”, тур. yüz / крым. тат. юз “лицо”, тур. dalak / крым. тат. талакъ “селезенка” и т. д.

И, наконец, обратим наше внимание на противоположное явление, когда некоторые слова данной тематической группы, отражая в своей семантике множественность, в морфологической структуре не содержат вышеуказанных аффиксов, например, тур. kaş / крым. тат. къаш “бровь” (две брови), тур. kol / крым. тат. къол “рука” (две руки), тур. saç / крым. тат. сач “волос” (волосы), тур. diş / крым. тат. тиш “зуб” (зубы).

Все вышесказанное ставит под сомнение концепцию, рассматривающую аффиксы **-(а)къ // -(е)к** и **-(ы)з // -(и)з** в названиях частей тела как показатели двойственности или множественности. Причина такого заблуждения, возможно, кроется в случайном совпадении в словах данной тематической группы вышеуказанных аффиксов с семантикой множественности, заключенной в большинстве названий частей тела.

Весьма показательным, что некоторые исследователи, рассматривавшие ранее аффиксы **-(а)къ // -(е)к** и **-(ы)з // -(и)з** как показатели множественности, в своих последующих работах высказались против такого предположения.

Так, А.Н.Кононов в своем докладе “Показатели множественности в тюркских языках”, сделанном в Институте языкознания АН СССР в 1966 году, отметил что “з” в названиях частей тела типа **гө-з** “глаз” является показателем не множественности, а класса отглагольных имен (гөр- “смотреть”; göz “глаз”). В тех же случаях, когда названия частей тела не имеют собственного глагола, как, например, көкүз “грудь”, тиз “колени” и т. д., по всей вероятности, имеет место явление аналогии.

Эта точка зрения, выдвинутая в качестве рабочей гипотезы, требует еще основательной аргументации. Поскольку почти все названия частей тела, оканчивающиеся на **-з**, с точки зрения современных тюркских языков являются неразложимыми, а этимология этих слов не всегда ясна, то сейчас трудно судить о том, действительно ли большинство основ этих слов, исторически разложимых на корень и аффикс **-з**, были глаголами.

Относительно же аффикса **-(а)къ // -(е)к** данная точка зрения вызывает большое сомнение, т. к. из большого количества поддающихся этимологическому анализу названий частей тела, оканчивающихся на **-(а)къ**, лишь несколько имеют глагольную основу, например, древнетюркское адак//айакъ (< ад//ай- “шагать”+ак) [3], тур. emçek/крым. тат. эмчек “женская грудь”, “сосок” (<ем- “сосать”+ч+ек) [4]/

подавляющее большинство названий с указанным аффиксом имеют именную основу, например, тур. bilek / крым. тат. билек “запястье”, “кисть руки” (< бил < бел “поясница”+ек), тур. bүйек / крым. тат.

бюйрек “почка”, “почки” (< büyür “бок”+ек), тур. uapak / крым. тат. янакъ “щека” (< ян “бок”+акъ) и т. п.

Узбекский тюрколог А.Г.Гулямов считал, что в подобных случаях аффикс -акъ исторически имел уподобительно-уменьшительное значение, т. е. многие из названий частей тела возникли как обозначение “малой” части тела, “малого” предмета по отношению к “большой” части тела, “большому” предмету [5].

С утверждением А.Н.Гулямова нельзя не согласиться, т. к. название предмета по внешнему сходству с другим предметом является весьма распространенным приемом и аффикс **-(а)къ //-(е)к** (также как и его параллельная форма **-къакъ // -гъакъ**; ср. крым. тат. кьолчакъ “рукавица” (< кьолгъакъ); тамакъ “горло” (< тамгъакъ и т. д.), образующий производные с уподобительно-уменьшительным значением, известен в тюркских языках в самых древних лексических слоях, и не только в обозначении частей тела, но и в других случаях, например, тур. başak / крым. тат. башакъ “колос” от баш “голова”.

В результате частой повторяемости названий частей тела, образованных при помощи данной словообразовательной модели, развилось явление аналогии, по которой стали возникать многие другие анатомические названия, что создало некоторую общность формальных примет, характерных для данной тематической группы слов, например, тур. basak / крым. тат. баджакъ “нога” (< из персидского pâ+дж+акъ), крым. тат. кемирчек “хрящ” и т. д.

Типологический характер аффиксов **-(а)къ //-(е)к** как показателей названий частей тела наиболее отчетливо проявляется в словах, которые употребляются двояко – в одном случае без аффикса, в виде корневого слова, в другом – с аффиксом; при этом значение корневого слова не меняется. Например, ср. башкирское бөйөр, казанско-татарское бөер. якут. бүүр “почки” с тур. büyük, крым. тат. бюйрек, узбекское буйрак, казахское бүйрек с тем же значением; уйгурское тал “селезенка” и тур. dalak, крым. тат. талакъ, узб. талак с тем же значением.

Все вышесказанное в равной мере относится и к типологическому аффиксу **-(ы)н //-(и)н //-(у)н //-(ү)н**, также составляющему общность формообразующих средств для данной тематической группы слов, обозначающих части тела в турецком и крымскотатарском языках.

Выступая в ряде названий в качестве показателя уменьшительности, например, ал “перед”, “передняя часть” – алын “лоб”, бой “рост”, “длина” – боюн “шея”, бор “запах” – бурун “нос” [6], формант **-н** исторически получил распространение по аналогии и в других названиях, семантика которых уменьшительности не отражала, что позволило полисемантическому аффиксу **-(ы)н //-(и)н** приобрести еще один признак – признак типологического показателя названий частей тела. Приведем несколько примеров: каз., узб. карын, тур. karın “живот”; крым. тат. кьююн, каракалпакское койын “пазуха”; тур. taban, башкирское, каракалпакское, крымскотатарское табан “ступня”; алтайское, киргизское, тувинское эрин “губа, -ы”; крым. тат. елин, башк. елен “вымя”; крым. тат. богьум, узб. бугын “сустав”, “сочленение” и т. д.

Словообразовательный формант **-н** в названиях частей тела в турецком и крымскотатарском языках в подавляющем большинстве случаев выступает с узкими вариантами гласного. Вполне возможно, что исторически существовал и его сингармонистический вариант с широким гласным, на что указывают такие названия как тур. kan, крым. тат. кьан “кровь” (ср. с башк., каракалп. кан, узб. кон); тур. taban, крым. тат. табан “ступня” (ср. с башк., каракалп. табан).

Таким образом, словообразовательные модели на **-(а)къ //-(е)к**, **-(ы)з //-(и)з**, **-(ы)н //-(и)н** исторически употребляющиеся в большем количестве при названиях частей тела в качестве показателей уменьшительности, глагольного имени и т. д., в результате явления аналогии получили большое распространение, вследствие чего у данных полисемантических аффиксов развился еще один признак – признак характеризующий слово как анатомическое название.

Возникшая таким путем общность словообразовательных примет, характерных для данной тематической группы слов показывает, что названия частей тела в тюркских языках объединены не только предметно, но и собственно языковыми средствами, что составляет определенную “систему” в плане формообразования для слов данной тематической группы.

Как видно из вышеприведенных примеров, в турецком и крымскотатарском языках названия, составляющие тематическую группу слов, обозначающих части тела, в основном, возникли путем аффиксации. Однако, этот способ словопроизводства не является единственным для новообразований, формирующих данную группу слов. Базой для их образования служат одновременно и словосочетания, построенные на изафетной связи, например, тур. belkemiği, крым. тат. белькемиги “позвоночник”, тур. diz karağı, крым. тат. тиз капагы “(над) коленная чашечка”, тур. göz bebeği, крым. тат. козь бебегеи “зрачок (глаза)”, тур. diş etleri “десна”, тур. kürek kemiği, крым. тат. курек кемиги “лопатки” и т. д.

В тех случаях, когда подобные словосочетания построены на примыкании, нередко наблюдается явление лексикализации этих словосочетаний – превращение их в сложные слова, например: тур. akciğer, крым. тат. акьджигер “легкие”, тур. karaciğer, крым. тат. кьараджигер “печень”, тур. köğbarsak, крым. тат. кёр ичек “слепая кишка”, крым. тат. ашкьазан “желудок”, янбаш “ягодица” и т. д.

1. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. - М. - Л., 1951, С. 51; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. - М. - Л., 1956, С. 71; Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. - М. - Л., 1960, С. 83.
2. Малов С. Е. К изучению турецких числительных. // Сб. “XV-летию научной деятельности акад. Н. Я. Мара” - Л., 1935; Исхаков Ф. И. Числительное. // Исследования по сравнительной грамматике тюрк-

- ских языков. Т. II. Морфология. - М., 1956; Комилова Х. К. Узбек тилида сон ва олмош. –Тошканд, 1953; Мамонов В. А. Имя числительное. - Алма-Ата, 1944; Низомиддинова С. Хозирги замон узбек тилида сон. - Тошканд, 1963; Хасенов А. Казыргы казак тилиндегі сон есімдер. - Алма-Ата, 1957.
3. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. - М., 1974, С. 103.
 4. Там же, С. 271,272.
 5. Гулямов А. Г. О сопутствующих явлениях при аффиксации в узбекском языке. // Сб. “Научные труды ТашГУ”, вып. 211. Языкознание. - Ташкент, 1963, С. 90.
 6. Гулямов А. Г. Указ. раб., С. 90.